

*Всем людям нужно благоразумие, но особенно
облеченным почестями и властью, чтобы,
увлекаясь бременем власти, как бы каким
стремлением беспорядочных вод,
не свергнуться в пропасть.*

Святой Иоанн Златоуст

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дым был густой и жирный, как наваристая похлебка. Он расплзался по полю тяжелыми антрацитовыми волнами, сквозь которые Гримберт видел лишь силуэт вражеского рыцаря, тяжелый и угловатый, точно сложенный из пригнанных друг к другу гранитных булыжников.

Рыцарь двигался встречным курсом и выглядел обманчиво неуклюжим, точно большая механическая кукла, приводимая в действие взведенной пружиной, но Гримберт знал, что эта игрушка может быть смертельно опасной.

Могла бы быть — если бы ею управляла воля, более искушенная в боевых действиях.

Гримберт улыбнулся.

Вражеский рыцарь совершил ошибку, отстрелив на подходе дымовые шашки. Возможно, в этом был бы резон, если бы ему противостоял противник равного класса, но если он полагал, что в силах дымовой завесой помешать «Золотому Туру», то допустил серьезную ошибку — в инфракрасном спектре его собственный корпус выглядел четко очерченным, точно мишень на полигоне. Не промахнется даже слепой пастух из древней дедушкиной аркебузы.

«Золотой Тур», как и его хозяин, тоже ощущал приближение противника. Его вычислительные центры и сенсоры работали в штатном режиме, анализируя бесчисленное множество факторов и преобразуя их в лаконичные строки данных на визоре пилота. Как и полагается боевой машине, устроенной несравненно более сложно, чем человек, «Тур» делал это быстро и бесстрастно, с холодной машинной четкостью, но Гримберту казалось, что он ощущает в гуле разогревающегося реактора зловещую ноту, похожую на скрип выползающего из ножен лезвия.

«Золотой Тур» ждал этого боя. Ждал возможности стряхнуть с себя сонное оцепенение, как сбросил часом ранее брезентовый чехол, реактор его равномерно гудел, напитывая огромное стальное тело энергией. Энергией, которая через несколько секунд обрушится на ковыляющего встречным курсом противника, почти беззвучно вминающего в землю обломки валунов и сметающего небольшие деревца.

Никчемный болван. Своей дымовой завесой он ничего не выгадал, лишь ослепил сам себя. Может, кто-то и простил бы ему эту ошибку, посчитав зазорным его воспользоваться. Но только не Гримберт.

Дистанция определена. Маневр сближения задан. Баллистические вычислители уже просчитали траекторию выстрела и обозначили ее как несомненно успешную. Едва ли этот бой затянется более чем на несколько минут.

Вражеский рыцарь постепенно увеличивал скорость. Если сперва он едва ковылял, то теперь стремительно двигался курсом на сближение, широко пе-

реставляя огромные стальные ноги и расшвыривая вокруг себя комья земли. Он не пытался совершать маневров уклонения, не менял курса, не замирал на месте, чтоб усложнить работу баллистическим вычислителям противника. Он просто приближался по кратчайшему расстоянию — огромный пятиметровый айсберг из бронированной стали, надеющийся сокрушить противника первым же лобовым столкновением.

Гримберт, хладнокровно наблюдавший за ним все это время, лишь презрительно фыркнул.

Чего еще ожидать от рыцарей с Запада с их архаичными представлениями о тактике? Привыкшие уповать не столько на маневр, сколько на сокрушительную мощь своих орудий, они в любом бою стремились резко сократить расстояние до противника, не считаясь с опасностью и не пытаясь хоть сколько-нибудь усовершенствовать те тактические наработки, которыми щеголяли еще их деды. Неудивительно, что это воинство, собранное по нитке со всей империи, с такой оскорбительной легкостью громят за морем сарацины...

Время.

Он заставил «Золотого Тура» шевельнуться, меняя позицию. Доспех отозвался на мысленный приказ мгновенно, без свойственного большим механизмам лязга, с одним лишь только гулом гидравлических сервоприводов. В его движениях была заключена необычайная мягкость, удивительная для стального существа, которое возвышалось над землей по меньшей мере на семь метров и весило почти двести

имперских тонн. Может, его доспех и относился к категории сверхтяжелых, но, когда того требовали обстоятельства и воля хозяина, становился подвижным и стремительным, как куница, делаясь проклятием вражеских канониров. И чертовски неприятным сюрпризом для излишне самоуверенных рыцарей.

Шаг вправо. Зарядить орудия бронебойными. Пересчитать баллистическую траекторию.

Где-то в недрах «Тура» загудели орудийные элеваторы, поднимая из боеукладки снаряды. Три секунды — и сыто лязгнули орудийные затворы его двенадцатидюймовых орудий¹, изготовившись к стрельбе, зашипели, выравнивая давление, противоткатные демпферы.

Наблюдая за приближением противника, Гримберт не испытывал ни волнения, ни страха. Ничего того, что свойственно испытывать человеческому существу, запечатанному в футляр из бронированной стали внутри великана. Связанный с «Золотым Туром» невидимыми канатами нейросвязи, одними только мысленными приказами управляющий многотонной машиной, в этот миг он даже не воспринимал себя человеком. Скорее, невесомой пульсирующей искрой, укрытой в груди доспеха.

«Золотой Тур» был не куклой, которой он управлял. Сейчас он был его собственным телом. Неизъяснимо могущественным, наделенным силой, которая не снилась ни одному живому существу, силой, способной уничтожить города и проламывать скалы.

¹ 12 дюймов — 305 мм.

Если он что-то и ощущал в этот миг, наблюдая за приближением вражеского рыцаря, то только легкий мятный сквознячок, виляющий между тончайшими отростками души и похожий на сладкое опьянение, что приходит с первым глотком вина. Отчасти это ощущение было вызвано эйфорией от нейрокоммутиации с доспехом, отчасти даровано возбуждающим коктейлем, впрыснутым в вены заботливым «Туром». Ничего особенного — трехпроцентный раствор флефедрона¹ с небольшими добавками экгонина², бензедрина и византийского гашиша. Подходящая смесь, чтобы держать себя в тонусе следующие полчаса, изгнав из сознания посторонние мысли и суету.

Многие рыцари, выступая в бой, оглушают себя лошадиными дозами дезоморфина, превращающими пилота в кровожадное, мечущееся внутри броникапсулы существо, невосприимчивое ни к боли, ни к страху. Но сейчас Гримберт не собирался прибегать к такому сильному средству. Во-первых, бой был уже выигран — еще до того, как незадачливый противник отстрелил дымовые пашки. Во-вторых, половина дезоморфина, который можно приобрести здесь, вдалеке от столицы, синтезируется самоуверенными проходимцами, часто не принадлежащими даже к гильдии провизоров, зачастую прямо в грязных бочках из-под вина. Неудивительно, что

¹ Ф л е ф е д р о н — вещество из класса амфетаминов, стимулятор центральной нервной системы.

² Э к г о н и н — растительный алколоид, содержащийся в листьях коки.

оруженосцы, вскрыв рыцарскую броникапсулу после боя, часто обнаруживают там вместо своего господина агонизирующее человекоподобное существо с разодранной грудью, порванными мышцами и лопнувшими глазами — следствие нечеловеческого приступа бешенства в сочетании с паникой в замкнутом пространстве.

В-третьих... Гримберт почувствовал на губах вкус улыбки, оттененный лунным привкусом флефедрона. В-третьих, он собирался сохранить ясную голову, чтоб в полной мере насладиться этим боем.

* * *

Щелчок радиостанции нарушил этот сладостный транс, охватывающий его в бою, вырвал из душевного сосредоточения, заставив душу встрепенуться на своем месте.

— Мессир... — Шелест помех в эфире мог скрыть свойственный юности тембр, но не озабоченность в голосе. — Позвольте заметить, противник уже в ста туазах¹ от вас и уже выходит в зону уверенного поражения. Если через двадцать секунд вы не...

Дьявол. Гримберт терпеть не мог, когда кто-то вмешивался в бой. В его бой.

— В ста туазах? — Он скрипнул зубами. — Черт тебя подери, Гунтерих, почему мой кутильер изъясняется как деревенский козопас? Если тебе не терпится испортить мне настроение перед боем, мог бы, по крайней мере, воспользоваться имперской системой мер!

¹ Ту а з — средневековая мера длины, равная 1,95 м.

«Зря сорвался», — подумал он мгновением позже. Турин, веками являвший собой восточную крепостную башню франкской империи, никогда не пользовался привилегиями вольного города, однако в наследство от своей бурной истории сохранил собственную систему мер, так не похожую на грубые и строгие имперские обозначения. Редко кто из его рыцарей считал зазорным измерять расстояние в туазах, вержах, перчах или лигах, глупо ждать от оруженосца точности в подобных материях...

— Сто девяносто пять метров, мессир.

Гримберт улыбнулся онемевшими из-за нейрокоммутации с доспехом губами.

Неплохо. Может, Гунтерих и юн, но у него есть все качества, которые необходимы хорошему оруженосцу, а прежде всего — ясная голова. Можно от рождения обладать острым глазом, превосходящим даже баллистические дальномеры, или чертовски развитым тактическим чутьем, но это не сделает тебя хорошим рыцарем. А вот умение легко управлять собственными мыслями...

— Так-то лучше.

— Я лишь хотел сказать, что он подходит к рубежу, на котором его орудия могут представлять опасность для «Тура». Возможно, вам стоит...

— Прибереги свои советы для слепых! — огрызнулся Гримберт. — Или я велю хорошенько тебя выпороть за то, что мешаешь своему сеньору вести бой!

Сто восемьдесят метров.

Радиостанция покорно замолчала, выдав напоследок еще один всплеск помех.

Оценивая показания дальномеров и баллистических вычислителей, Гримберт даже ощутил короткий приступ сожаления. Мальчишка, конечно, нетерпелив, как и полагается мальчишкам, наблюдающим за рыцарским поединком, но, в сущности, он был прав. Как ни глуп был приближающийся в ключьях густого дыма вражеский рыцарь, он представлял собой опасность, которую не стоило недооценивать.

Сто шестьдесят метров.

Недооценка противника погубила больше тщательно просчитанных планов, чем самые непредсказуемые факторы. Гримберт знал это, поэтому старался устранить ее в зачатке. Может, поэтому погрешности в его планах составляли допустимую и крайне незначительную величину.

Сто тридцать метров.

«Пожалуй, надо начинать, — шепнул он мысленно «Золотому Туру». — Невежливо будет заставлять этого самоуверенного кретина ждать излишне долго, иначе он, чего доброго, заскучает. А я не хочу возиться с ним до обеда».

«Свет!» — мысленно приказал он. Секундой позже закрепленные на плечах «Золотого Тура» прожектора обрушили на поле боя поток инфракрасного излучения, пронизывавшего густой дым, словно стилеты — набитую пухом подушку. Теперь Гримберт видел противника не смазанным силуэтом, а огромным пятном желто-красного спектра, от пылающего багрянца до стылого янтаря.

В инфракрасном освещении не было видно сварных швов и герба, зато прочие детали читались отчет-

ливо, как книга. Тяжелая кираса лионского образца, усиленная в районе нагрудника несколькими бронепластинами, наплечники, кажущиеся огромными, как купола собора, и поверх всего — хищно вращающаяся на плечах башня в виде шлема-армета.

И вся эта груда металла размером с трехэтажный дом уверенно перла вперед. Валуны, которые оказывались под ее лапами, лопались или уходили в землю, как марципаны в непрочпеченное тесто. Орудия беспокойно ворочались в своих спонсонах, пытаясь отыскать цель, недостаточно благоразумную, чтобы убраться подальше. Огнем своих пятидюймовок¹, смертоносных на близкой дистанции, такой растерзал бы в считанные секунды полк легкой пехоты или даже сотню аркебузирова, но сегодня ему предстояло встретиться с противником другого класса.

Сто двадцать.

Вот-вот выйдет из-под дымовой завесы.

«Доспех, и верно, лионский», — отметил Гримберт почти равнодушно, наблюдая за тем, как стремительно сокращается расстояние между машинами. Устаревший, но определенно не старый. Однако тот, кто занимался его модернизацией, судя по всему, ни черта не смыслил в доспехах подобного типа. Стремясь усилить лобовую броню дополнительными пластинами наваренной стали, он не учел слабую гидравлическую систему, характерную для многих мастеров Лиона. И так несовершенная, оснащенная плунжерами устаревшего образца, эту до-

¹ 5 дюймов — 127 мм.